

необычайно сложный процесс, требующий и времени, и больших усилий государства, общества, учреждений образования, семьи, а также самовоспитания людей. Может быть, главная трудность здесь заключается именно в том, что деформированное моральное сознание способно в свою очередь исказить религиозное и правовое сознание. Морализирующее сознание может либо категорически отвергать религию и религиозные ценности, либо, напротив, трансформироваться в религиозный фанатизм, опасный для любого общества. В правовой сфере такой тип сознания порождает удивительный феномен, отмеченный еще Ф. М. Достоевским в пореформенной России XIX века и вновь наблюдающийся сейчас: суды присяжных заседателей, возникшие после 1862 года, и существующие ныне в экспериментальном виде в некоторых регионах страны, с маниакальной настойчивостью выносят оправдательные приговоры даже тогда, когда факт преступления очевиден и признается самими преступниками.

*Доктор философских наук,
доцент кафедры социальной философии УрГУ
А. И. Лучанкин
Екатеринбург*

ПРЕДЕЛЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ «КУЛЬТУРЫ»

Либеральная культура нетерпима к «неудачникам», в ней господствует культ индивидуального успеха («ведь я или он смогли достичь, почему ты не можешь?») и модернизации, например, «догоняющей запад» по образу жизни и стандартам потребления.

Отсюда либерально понятая толерантность и культура противостоят друг другу: «антикультура» обнаруживается при нарушении норм, поэтому терпимость к «нарушителям» – очевидность пределов толерантности. Эти пределы тезисно можно обозначить так:

1. Культура тотализирует, навязывая неаутентичную (Хайдеггер) всеобщность определений, в отношении которых за-переделы, бес-пределы (трансгрессии и трансцензусы) выглядят – но только сперва, поначалу – как некультурные, перифе-

рийные, провинциальные: гении рождаются в провинции, а умирают в Париже.

2. Будучи вербальной версией рациональности, культура дискурсивна, поэтому: а) она не есть «истина», а коммуникативная сборка элитарного восприятия и понимания мира по принципу «так есть, иначе не бывает»; б) дискурс культуры увязан с господством говорящей и пишущей элиты, символически утверждающей свои пределы терпимого и недопустимого; в) относительность этих пределов упирается в смерть индивидуального сознания как самую жесткую антиутопию (здесь меркнет идеал Человека Культуры или «приобщения» к ней).

3. Предел смерти тематизирует пределы и границы толерантности в очевидности «других» (Другой – не Я, то, кто мной не является), в необходимости их видеть и слышать: не объяснять, не оценивать, а понимать всех тех, кто живет за пределами «моей» культуры, топосов моего понимания (толерантность как извечная утопия философствования, попытка единой мыслью объять различное). Изнутри себя Я не умирает, изнутри смерть не понятна, тогда как смерть других очевидна и антиутопична (невоображаема).

4. Экстремально индивидуализированная Персона толерантна, т.к. допускает бытие других с их пределами (культурами), утопиями и границами, что парадоксально (такая бинарика бывает либо в конфликте с «чуждым», т. е. со Смертью, либо при десантировании в напрочь иную субкультуру). Пределы толерантности, изображаемые либерально, в традиционных бинариках, именуются как отношение наблюдателя (эксперта) к местам различий типа:

- Активность (означающие) – Пассивность (означаемые);
- Я (социализированная личность) – Группа (коллективности);
- Жизненный мир (развитие) – Системный мир (функционарство);
- Уединенное сознание – Конвергентное сознание (идеал общения как поиска общего);
- Я (личность-для-себя) – Другие (я-для-других) и т. п.

5. Культуры, идентифицирующие себя не полисубъектно, а как «Свои» в отношении к «Чужим», либо музеифицируют-

ся, либо миссионерствуют, экспансируют, совершают экспорт своей идеологии: натиск освоения или отчуждения убивает Другого (вот и язык – ничей и чужой, а бывает другом и врагом). Не либерально, а демократически тематизируемая толерантность устанавливается в горизонте «транса», переходов, трансгрессий. Здесь не «формации», а их транс-формации образуют трагикомизм жизни в ее безудержном становлении, где гуссерлевские «пустые отсылки к открытым горизонтам» – синоним демотолерантности, пределизованной игрой Эроса и Танатоса.

6. Освоение своей культуры изнутри всегда дисциплинарно и насильственно. Дрессура и натаскивание аналогичны обращению «неверных» в подлинную веру (истину). Здесь интересен механизм персонального сопротивления дрессуре, поскольку: а) опираться можно только на то, что сопротивляется; б) в сопротивлении рождается игровая полисубъектность человека, «хохоча» принимающего навязываемые роли; в) ироническое играние чужой роли имеет пределом собственный проект Персоны.

7. Если «самое страшное для человека – это свобода» (Сартр), то сам этот страх проистекает от внутреннего Отца, нетерпимого к полисубъектности игры, масок, инкарнаций и перевоплощений. И тогда тематизируется толерантность, дистанция к которой тем больше, чем больше человек боится своего будущего. Разговоры о толерантности – симптом тотального соционевроза «мирян», в коммуникации которых политтехнологической элитой запускаются либерально-экспертные бинарики (см. п.4), подвешенные на эмоциях неуверенности, тревожности, нищеты и тщеты усилий «маленького человечка».

8. Сборка сказанного: экстремально индивидуализированная Персона есть носитель демократической культуры, когда либеральные и неолиберальные образцы поведения и переживания оказываются материалом игры. «Лет перелетных означающих» интерпретируется здесь как письмо: либеральная толерантность превращается в не знак, в материал, сработанный Отцом, более всего желающим уничтожить память живущих. Между тем последние ничего не забыли: им просто некогда копаться в истории и извлекать уроки. Предел Чуждого

(Смерти) естественно открывает возможность ценить мимолетность и юношеское отношение к музейным реликвиям, не говоря уже об обременительной затратности искать врагов или судить виновных за выпавший жребий (судьбы). Изнутри себя Я принадлежу вечности, но не суду. Поэтому толерантен и полисубъектен.

*Аспирант кафедры философии НГАСУ
В. А. Комаров
Новосибирск*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Терпимость к иному рода взглядам, нравам и привычкам стала настроением современной эпохи и, кажется, проявлением хорошего тона. Сегодня много говорят о том, что идея толерантности заняла свое особое место и в идеологии современного национализма, понимаемого автором не как исключительно негативное и аморальное явление, а как сложный культурный феномен. Толерантность жизненно необходима особенно крупным многонациональным государствам, декларирующим принятие и уважение культурных особенностей составляющих их разных народов. Однако подлинная толерантность национализма заключается отнюдь не в любви к иному, но в уверенности в себе. Именно через проявление или не проявление данного качества раскрывается истинная сила или слабость национальной культуры и уровень правового сознания того или иного общества. Можем ли мы с уверенностью констатировать наличие этих качеств в полном объеме в каком-либо из обществ современности?

В обществах так называемого Этнического (или Восточного) типа национализма, таких как Россия или Китай, правосознание далеко от Западных стандартов (если оно вообще действительно стремится к ним). В этих обществах национализм проявляет свою четкую культурную направленность и, как правило, окрашен цветами мессианства. «Народный дух» опирается на общую культуру, и неудивительно, что еще в протонациональных проявлениях русского народа «святость» Руси не подвергалась сомнению.